

Ливень шёл больше месяца и не собирался прекращаться. Низины уже затопило до самых крыш, а в высоких местах вроде горы Цанъюнь вода почти добралась до парковки на середине горы.

Положение стало крайне тяжёлым, и власти снова организовали эвакуацию, переселяя людей ещё выше.

Чиновники хоть какого-то уровня и их семьи ещё через полмесяца после начала ливней перебрались в вилловый комплекс «Гуаньшаньюэ». Там разместили правительственные учреждения, место почти не пострадало, поэтому эвакуация им не требовалась.

Остальных расселяли по пустующим квартирам в высотных домах. За последние месяцы город В пережил столько бедствий и жестоких происшествий, что погибло огромное число людей и население резко сократилось. Много жилья освободилось.

Большую часть пострадавших из низин власть разместила именно там, но квартир было мало, а людей слишком много. Нередко в одну комнату набивали по десять-двадцать человек, мужчин, женщин, стариков и детей вместе.

Пострадавшие не хотели жить такой толпой. В таких условиях невозможно нормально отдыхать, да и безопасность никто не гарантировал.

И действительно, не прошло и двух дней, как начались тяжёлые случаи грабежей, нападений и другого жестокого насилия. Некоторые не выдержали и просто бросились в воду, покончив с собой.

Пострадавшие стали скандалить с чиновниками, требуя переселить их в более хорошие условия.

Сотрудники ответили просто: других мест нет. Не хотите жить здесь — уходите сами. Но тогда больше не получите спасательных пайков, и никто не будет отвечать за вашу жизнь. Одной фразы оказалось достаточно, чтобы все замолчали.

Никто не был глупцом. Передвигаться теперь трудно, общественный порядок почти разрушен, днём и ночью то и дело слышатся крики о помощи и плач. Людям становилось ещё страшнее выходить наружу.

Пайков от властей мало, но они хотя бы позволяют не умереть. Если уйти, никто не знает, доживёт ли до дня, когда дождь прекратится и вода спадёт.

Небольшую часть пострадавших разместили на горах Цанъюнь и Сяншань. Но местные жители

этих двух районов оказались далеко не такими сговорчивыми.

До апокалипсиса здесь в основном жили люди с деньгами и положением, и почти все крайне резко восприняли это решение.

В конце концов, они покупали жильё именно ради условий. Я заплатил деньги за свой дом — с какой стати в нём будут жить незнакомые люди?

Тогда новый мэр Чэнь Лисинь придумал мерзкий ход: направил в эти два района тех пострадавших, у кого раньше были какие-то деньги, но при этом оставляла желать лучшего воспитанность.

Кто-то без конца рассуждал о морали, кто-то вообще не признавал никаких правил и считал себя чуть ли не небожителем.

Раньше вокруг них всегда было много льстецов, поэтому они привыкли считать себя выше других. Оказавшись в этих районах, они обнаружили, что настоящая верхушка общества вообще не обращает на них внимания. Конфликт был неизбежен.

Чэнь Лисинь пока использовал этих людей как пробный камень, желая проверить границы терпения местных. Если местные в конце концов уступят, власти получат простор для дальнейших шагов.

Если реакция окажется сильной, можно сказать: посмотрите, власти и так старались поселить рядом с вами людей более-менее приличных. Другие ещё хуже. Потерпите немного, всем сейчас трудно.

Пока Чэнь Лисинь не мог слишком открыто давить на местных. С начала бедствий именно они пожертвовали или отдали по реквизиции множество припасов.

Пострадавшие и так были полны злости, а жители вилл — крупные налогоплательщики. Когда бедствия закончатся, город ещё будет рассчитывать на их вклад в восстановление.

Но сейчас безопасных высоких мест всего три. Если обстановка ухудшится, власти не могут отправить обычных людей в комплекс «Гуаньшаньюэ», значит, остаются только Цанъюнь и Сяншань.

Поэтому план был простой: пусть пострадавшие сами конфликтуют с местными, а власти будут делать вид, что примиряют стороны. Но Чэнь Лисинь слишком упростил ситуацию. Не прошло и двух дней после прибытия переселенцев, как столкновения вспыхнули вовсю.

Что происходило на Сяншане, Цю Цю и остальные не знали. Но на Цанъюне чуть ли не каждый день случались драки, погибло немало людей.

Увидев, что положение выходит из-под контроля, власти пошли на уступку: больше не пытались расселять пострадавших по виллам. Вместо этого им выделили общественные зоны на середине горы — парковки, палаточные лагеря и сборные домики.

Но разве проблема могла решиться так просто? До бедствий большинство были законопослушными гражданами. Теперь многие потеряли всё и жили исключительно на помощи властей.

Пострадавшие видели, что жители вилл живут относительно хорошо, но не хотят им помогать.

Изначально власти говорили, что их поселят в виллах, а из-за сопротивления местных теперь приходится жить в палатках, на парковках и в временках, каждый день голодать и мёрзнуть, не чувствуя себя в безопасности. Их ненависть к жителям вилл дошла до предела.

А жители вилл думали наоборот: других мест мало, что ли? Почему обязательно тащиться на Цанъюнь? Ладно, пришли, но зачем мечтать поселиться прямо в чужих домах?

А потом что? Ещё и припасы придётся делить? На такое бесстыдство способны только они.

И не надо думать, будто местные не понимают, что это всё уловка Чэнь Лисиня. Если уступить один раз, потом неизвестно, какие ещё требования появятся.

У обеих сторон были свои доводы, но со временем мысли становились всё темнее и жёстче. Одни считали жителей вилл бессердечными богачами, которые смотрят, как другие умирают. Вторые считали пострадавших назойливыми крысами из сточной канавы.

Со временем начались реальные преступления. Многие пострадавшие ради выживания стали воровать, грабить и даже убивать при вторжении в дома. Местные и без того их не любили, а теперь ненависть усилилась.

Район А виллового комплекса находился ближе всего к месту размещения пострадавших, поэтому туда постоянно наведывались чужаки. Обе стороны уже почти не могли существовать рядом.

Два дня назад хозяин одной виллы и его водитель как раз выехали забрать припасы, которые заказали через знакомых. Кто-то это заметил, и вечером в дом ворвалась группа грабителей. Хозяин и водитель не успели среагировать и оказались схвачены.

В доме были старики и дети, а взрослых мужчин — только хозяин и водитель. Нападавших было слишком много, поэтому хозяин боялся, что сопротивление спровоцирует их на что-то страшное. Он не стал отбиваться и лишь просил забрать вещи, но не трогать людей.

Но нападавшие оказались извращёнными. Видя, как богатый хозяин униженно умоляет, они

получили чувство мести и превосходства. Они не только не оставили семью в покое, но и надругались над его женой.

Ребёнка выбросили с верхнего этажа, и он погиб на месте. Старуха-мать, пытаясь спасти внука, оступилась на лестнице и тоже мгновенно умерла.

Всё это время хозяина и водителя удерживали рядом, заставляя смотреть. Уходя, грабители ещё и избили обоих, а хозяина унизили:

— И что тебе дали деньги и положение? Жена всё равно досталась нам!

После этого они унесли награбленное. Хозяину оставалось только обнимать едва живую жену, тело сына и тело матери и рыдать.

Но ночью, пока грабители радовались добыче в районе временных домиков, хозяин пришёл туда с огнестрельным оружием и расстрелял их всех. Под огонь попало и немало других пострадавших поблизости.

Когда сотрудники властей получили сообщение и добрались до места, прошло уже три дня. Они посмотрели на перепуганных, отчаявшихся людей и трупы повсюду, ничего не сказали и лишь увезли тела. Только тогда пострадавшие поняли: их бросили.

Те, кто вёл себя относительно спокойно, тихо покинули лагерь и стали искать новые места, где можно было бы самим устроить жильё. Все поняли, что если не отдалиться от преступников, однажды можно оказаться между двух огней и стать случайной жертвой.

Те, кто прежде участвовал в конфликтах не слишком активно, временно успокоились и больше не решались действовать.

Что до властей, они прекрасно понимали, что окончательно разозлили жителей Цанъюня. Поэтому, думая о будущем, они начали игнорировать пострадавших. Спасательные пайки, которые раньше привозили раз в три дня, не доставляли уже больше недели.

С самого начала ливней припасы приходилось возить лодками, и можно представить, насколько это было трудно. Теперь появился отличный предлог не ездить. Так можно и успокоить местных, и сэкономить немало еды, а чиновникам достанется больше — прекрасно.

Пострадавшие долго ждали и не дождались припасов. Чтобы выжить, многие перестали нападать на виллы и стали выходить в соседние жилые районы искать еду. А некоторые привлекательные мужчины и женщины, которые не могли сами ходить за припасами, начали искать себе покровителей среди жителей вилл.

Удачливые переселялись в виллы и решали проблему еды и тепла. Неудачливым приходилось

гораздо хуже: их высмеивали и унижали, а в конце концов некоторые начинали торговать телом прямо в лагере пострадавших.

Самые озлобленные считали, что ничем не хуже тех, кто живёт в больших виллах. Почему раньше они должны были быть у богачей под ногами?

Теперь случилась катастрофа, а они под дождём и ветром, голодают и мёрзнут, их убивают и калечат. Власти покрывают виновных, да ещё из-за этого урезают им пайки.

Раз власти и местные не хотят дать им жить, пусть сначала сами поживут плохо. Раз никто больше ими не занимается, зачем продолжать быть законопослушными гражданами?

Эти люди пошли в районы высоток и начали агитировать переселенцев там. Те давно жили вперемешку в тесноте, сталкивались с постоянными проблемами, были напуганы, но просто не видели выхода и терпели.

Теперь появился возможный выход. Две группы быстро нашли общий язык и после обсуждения решили выгнать всех прежних жителей вилл, а гору Цанъюнь превратить в собственную территорию.

Ливень шёл уже почти два месяца, температура опустилась до четырёх-пяти градусов. В городе В началась вспышка гриппа. В прошлой жизни Цю Цю и Сяо Хань тоже заражались, но симптомы были не слишком тяжёлыми: озноб, высокая температура, насморк, кашель, а в тяжёлых случаях — диарея и затруднённое дыхание.

Но в этой жизни болезнь изменилась. Из-за наводнения в больницах катастрофически не хватало мест, пациентов размещать было негде.

Здание медиакомпании, которое раньше власти реквизировали под изолятор, теперь было забито переселенцами и освободить его не представлялось возможным. Пришлось размещать больных из разных отделений вперемешку, а некоторых вообще поселили в палатках на крыше больничного корпуса.

В результате больница не только не смогла остановить болезнь, но и сама стала очагом внутрибольничного заражения. Вирус оказался очень заразным, распространение было слишком стремительным, и эпидемию уже не удавалось контролировать.

Заболел и Ли Чанцин. Он уже больше десяти дней температурил и кашлял, принимал множество лекарств, но лучше не становилось. Цю Цю и Сяо Хань не решились отправлять его в больницу.

Они почти сходили с ума от тревоги, особенно Цю Цю. В прошлой жизни эпидемия действительно унесла немало жизней, но симптомы не были такими тяжёлыми. И лекарства они заранее закупами именно по рецептам, которые тогда назначали специалисты.

А теперь эти препараты явно не помогали. Поначалу симптомы Ли Чанцина были точь-в-точь как при гриппе, но на третий день появились сильный озноб, высокая температура, одышка, непрекращающийся кашель, стеснение и боль в груди, а также затуманенность сознания.

После ужина Цю Цю и Сяо Хань пошли в дом Ли Чанцина помочь Аньнину расставить ловушки.

Втроем они выкопали вдоль внутренней стороны стены канаву, положили туда капканы и трёхгранные шипы, а сверху прикрыли сухими ветками.

Проверив всё и убедившись, что проблем нет, они вошли в дом. Ли Чанцин сидел на диване, обняв портативный кислородный баллон и дыша через маску.

Сяо Хань нахмурился.

— Дядя Ли, снаружи всё готово.

Ли Чанцин снял кислородную маску и натянул медицинскую.

— Спасибо за труд. Садитесь... кхе-кхе... кх...

— Зачем вы встали? — Цю Цю сел напротив. — Дядя Ли, вы очень сильно кашляете. Лекарства принимали?

— Принимал... кх...

Ли Чанцин улыбнулся и поманил рукой Аньнина, который собирался сесть рядом.

— Кхе-кхе! Иди к брату. Папа всё ещё кашляет. Кх!

Аньнин надул губы и пересел к Сяо Ханю.

— Папа, скорее выздоравливай.

— Кхе-кхе...

— Хорошо... кхе-кхе... кх...

Сяо Хань нахмурился сильнее, налил ему воды и протянул стакан.

— Дядя Ли, у вас действительно тяжёлое состояние.

— Я... кхе-кхе... со мной всё нормально, не волнуйтесь... кх... кхе-кхе...

Ли Чанцин разволновался, дыхание сбилось, и кашель усилился.

Аньнин больше не выдержал, подбежал к отцу, стал хлопать его по спине. Глаза покраснели.

— Папа, почему ты кашляешь всё сильнее?

Ли Чанцин поднял голову и посмотрел на сына.

— Я... кхе-кхе! Кх! Со мной всё... кхе-кхе... у-э... пф...

— Папа!

— Дядя Ли?!

Ли Чанцин внезапно почувствовал резкую боль в груди, перестал нормально дышать, горло одновременно заболело и зачесалось. Он больше не выдержал и закашлялся кровью. Кровь полностью пропитала маску, потекла по подбородку и запачкала пижаму. Сам он потерял сознание.

— Папа! Папа, проснись! У-у-у... не бросай Аньнина!

— Дядя Ли! Дядя Ли...

Аньнин обнимал потерявшего сознание отца и рыдал. Беспомощно посмотрев на Цю Цю и Сяо Ханя, он умолял:

— Братья, спасите папу! Помогите Аньнину спасти папу, пожалуйста!

— Не бойся. Брат обязательно спасёт твоего папу.

Цю Цю снял с Ли Чанцина маску, взял у Сяо Ханя горячее полотенце и вытер кровь с лица.

Затем он велел Сяо Ханю и Аньнину надеть маски, снять с Ли Чанцина испачканную пижаму,

перенести его в комнату и измерить температуру. Сам развернулся и вернулся в свою виллу.

Цю Цю нервно подождал в гостиной две-три минуты, решив, что времени прошло достаточно, достал из пространства маленькую чашку сильно разбавленной воды духовного источника и побежал обратно. Он хотел проверить, сможет ли эта вода хотя бы немного облегчить страдания Ли Чанцина.

После того как они напоили его, трое сели вокруг кровати и неотрывно смотрели на Ли Чанцина.

Через полчаса на его лбу появился лёгкий пот. Лицо, прежде синеватое, стало бледным, но выглядело уже лучше. Цю Цю поспешил измерить температуру — 39,5 °C, ниже, чем показывал термометр у Сяо Ханя раньше.

Трое наконец немного выдохнули. Цю Цю оставил Аньнина рядом с отцом, а сам вместе с Сяо Ханем пошёл в гостиную. Они собирались вынести на улицу окровавленные маску и пижаму Ли Чанцина и сжечь.

Сяо Хань велел Цю Цю стоять подальше и ничего не трогать, а сам надел перчатки и начал собирать вещи.

— С-с-с...

Едва его рука коснулась маски, он заметил, что на ней что-то шевелится, и тут же почувствовал боль в пальце. Сяо Хань поспешно отступил подальше.

— Хань-гэ, что случилось? — Цю Цю тут же шагнул к нему, чтобы взять его за руку.

— Не подходи! — Сяо Хань резко отступил ещё на шаг.

— Хань... Хань-гэ, не пугай меня!

Цю Цю запаниковал, увидев его бледное лицо.

— Что произошло?!

— Возможно, я заразился... — голос Сяо Ханя дрожал.

Он осторожно снял перчатку и увидел на пальце крошечного красного нитевидного червя. Когда он взял маску, даже через перчатку почувствовал, будто палец что-то укусило. Похоже, это и был тот самый червь.

Сяо Хань резко хлестнул снятой перчаткой. Червячок толщиной с игольное ушко отлетел и прилип к резине, пару раз изогнувшись.

Цю Цю поспешил подойти и, увидев укушенный палец Сяо Ханя, едва не заплакал.

— Не плачь, — Сяо Хань улыбнулся, успокаивая его. — Принеси Хань-гэ ватные палочки с йодоформом. Я сначала обработаю. Может, заражения ещё и не будет.

— Угу!

Цю Цю взглянул на второй этаж, затем быстро достал из пространства всё необходимое. Подумав, он также надел медицинские резиновые перчатки и начал изо всех сил выдавливать содержимое из ранки. В результате из неё вышла немного жёлтой вязкой жидкости. Лица обоих одновременно изменились.

— Дави сильнее. И осторожно, чтобы на тебя не попало, — мрачно предупредил Сяо Хань.

— Угу!

Цю Цю кивнул и стал действовать ещё осторожнее. Он выдавливал до тех пор, пока жёлтая слизь не перестала выходить и не показалась ярко-красная кровь. Только после этого он несколько раз промыл ранку йодоформом и заклеил пластырем. Лишь тогда они смогли заняться маской и одеждой, испачканными кровью Ли Чанцина.

В перчатках Цю Цю взял в одну руку таз из нержавеющей стали, а в другую — длинный пинцет. Он переложил одежду и маску в таз, проверил, не осталось ли ничего подозрительного на полу, и тем же пинцетом вытолкнул таз за дверь.

Только после этого оба присели рядом и пинцетом стали осторожно раздвигать маску и одежду, внимательно осматривая их.

<http://bllate.org/book/22291/2376364>